

ГУРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СУДАКОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации гуманитарного института

Вологодский государственный университет (Вологда, Российская Федерация)

gvs035@rambler.ru

КАК НАЧИНАЛАСЬ ЯЗЫКОВАЯ РЕФОРМА ПЕТРА I

Реформирование уклада русской жизни в Петровскую эпоху коснулось и правил речевого общения. Языковая реформа Петра начинается с его распоряжений, касающихся словесных оскорблений. Анализируемый источник, содержащий перечень наиболее распространенных лексем негативной оценки, интересен именно вниманием Петра к разным аспектам устного и письменного общения в тогдашней России, попытками усовершенствовать речевой этикет в соответствии с вызовами времени и приблизить его к практике европейского речевого общения. Актуальность исследования определяется необходимостью более полного учета всего комплекса мероприятий, направленных на формирование единой нормы национального русского литературного языка. Новизна исследования заключается в привлечении нового источника, прямо связанного с речевой практикой эпохи и демонстрирующего внимание государственной власти к устному этикету, нормы которого не соответствовали запросам нового времени. Слова и фразеологизмы с негативным смыслом семантически связаны с культурой эпохи, их толкование опирается на лингвокультурологический комментарий. «Бесчестные слова» не составляли отдельной обязательной разновидности речевого этикета, хотя могли выполнять функцию обращения заведомо негативного характера. По структуре «бесчестные слова» состояли из одного элемента, реже – из простого предложения, один вариант оформлен сложным предложением. Анализируемые тексты вписываются в ряд документов и руководств, призванных влиять на формирование новой культуры устного и письменного общения. Появление на этот счет официального документа – это одна из первых сознательных реакций власти на специфику речевого общения, что является свидетельством начала нового, национального этапа в формировании общенациональных норм русского литературного языка.

Ключевые слова: речевой этикет, словесное оскорбление, дифференциация языковых средств, социальный статус, Петровская эпоха

Для цитирования: Судаков Г. В. Как начиналась языковая реформа Петра I // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 38–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.497

ВВЕДЕНИЕ

Языковые преобразования Петровской эпохи, являющиеся составной частью общей реформы культуры и быта¹, проходили длительное время и включали в себя как административные решения, так и социокультурные акции, поэтому следует описать и оценить начальный этап реализации этого большого комплекса мероприятий, установить связи начального периода с последующими, понять последовательность принимаемых мер. Если учесть значимость таких решений, как реформа азбуки, создание Академии наук и университета, налаживание переводческого дела, поддержку создания словарей и т. д., то издание царского распоряжения, которому посвящено наше исследование, покажется делом малозначительным, не имеющим прямого

отношения к языковой реформе. Неслучайно в монографической работе В. М. Живова этому эпизоду, как и другим событиям до реформы азбуки, не уделяется внимания [3: 69–154].

Между тем оцениваемый источник интересен именно вниманием Петра к разным аспектам устного и письменного общения в тогдашней России, попыткам усовершенствовать речевой этикет в соответствии с изменениями культуры и быта и приблизить речевой ритуал к практике европейской речевой коммуникации. Одним из первых эту проблему стал разрабатывать В. В. Виноградов, см. параграф под названием «Европеизация общественно-бытовой, обиходной (письменной и разговорной) речи высших слоев общества» в его книге [1], позже на это обращали внимание А. М. Панченко [6], А. М. Камчатнов [5] и др.

Источниковой базой нашего исследования является документ под условным названием «Царский указ 1700 года о "бесчестных" словах». Текст был опубликован трижды в разных вариантах: 1) первый вариант в 1793 году и повторно – в 1855 году; 2) второй вариант в 1871 году. Попыток объединить и сравнить эти публикации не было².

Анализируемый источник – это реальный документ. Нормативно-правовой статус этого памятника – запись в книге Судного приказа за 1700 год. Такая запись входила в состав так называемых Дворцовых разрядов, была ниже по статусу, чем царский указ, не могла приравниваться к царским указам. Технически подобный текст оформлялся следующим образом: царь в присутствии бояр заслушивал доклад о поступивших на его имя челобитных, затем высказывал свое решение, причем волеизъявление царя, поддержанное боярской думой (*«царь указал, а бояре приговорили»*), выражалось в устной форме и записывалось думным дьяком в книгу дворцовых разрядов с указанием даты и обстоятельств события. Оригиналы разрядных книг в столбцах хранились в Московском Разрядном архиве.

Первая публикация текста, извлеченного из разрядных книг, состоялась в периодическом издании «Российский магазин» за 1792–1793 годы³. Данное издание документа мы не используем по причине его некачественного воспроизведения.

Вторая публикация выполнена в 1855 году в четвертом томе Дворцовых разрядов, куда вошли распоряжения Петра Первого за первые годы его независимого правления (9 сентября 1676 года – 17 октября 1700 года)⁴. Разряды 1700 года для этого издания не копировались повторно, а были заимствованы из упомянутого издания «Российский магазин». Этим отчасти объясняются некоторые расхождения в списке «бесчестных слов» в публикации «указа» в журнале «Русская старина» за 1871 год.

Третья публикация под названием «Указ Петра I о бесчестных словах» появилась в журнале «Русская старина» (1871. Том IV). Это наиболее полный текст, он отличается по композиции и содержанию от первой публикации. И. П. Корнилов, издатель данной публикации⁵, сообщает, что «копия этого указа и решения появилась между Желтухинскими бумагами⁶, весьма интересными, ныне разбираемыми и приготавливаемыми для издания» (Указ: 683). Именно И. П. Корнилов и назвал выписку из разрядных книг указом.

Тексты второй и третьей публикаций повествуют об одном и том же событии, но отличаются по содержанию. Как объяснить два разных варианта описания одного и того же события? Мы считаем, что текст был записан дважды: 1) вначале оформлялась предварительная черновая запись (доклад царю и распоряжение царя), к этой черновой записи ближе вариант из «Русской старины»; 2) затем готовился окончательный (беловой) вариант, вошедший в Дворцовые разряды. Некоторые бранные слова и фразеологизмы в этих вариантах записаны по-разному, что мы также учитываем при анализе этого редкого словарика бранной лексики начала Петровской эпохи.

Текст памятника, представленный в журнале «Русская старина», состоит из трех композиционных частей. Рассмотрим вначале его среднюю часть, здесь приводятся слова и выражения, которые воспринимались современниками как покушение на честь и достоинство, считались оскорбительными, позорными, «бесчестными». В скобках жирным шрифтом напечатаны варианты, зафиксированные в Дворцовых разрядах.

«1700-го года, мая в 11-й день, Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всея великия и малыя и белыя России самодержец».

А ныне в Судном Московском Приказе бить челом великому государю многие челобитчики стали на ответчиков в разных бесчестиях своих, что называли исцов они, ответчики, на словах: 1) вольно тебе лаять; 2) называл щенком турецким (шпынкомъ турецкимъ); 3) ис-под печки де тебя вытащили (изъ подъ бочки тебя тащили); 4) не Воротынской де ты: пехаешь (лаешь); 5) ребенком; 6) щенчишкой боярским (сынчишкой боярским); 7) снартышкой (мартышкой?) и мартынышкой (мартынушкой мартышкой); 8) черти тебе сказывают; 9) трусом; 10) отец де твой лаптем ити хлебал, и отец твой – лапотник, и сушил (сушилъ) сыромятную кожу и яловичные сапоги; 11) подговоришкой; 12) злодеем; 13) подскобкою; 14) поди такой де в допрос: что напои (а что соберешь), то очисти; 15) вчерась было меня на площади удавил; 16) разоренье де мне от тебя; 17) мучил ты меня; 18) презжаешь ты на чужую землю насильно; 19) грабителем» (Указ).

Сделаем два замечания по поводу этой записи: 1) нумерация «бесчестных слов», возможно, внесена публикаторами Дворцовых разрядов, эта нумерация есть и в копии из «желтухинских бумаг»; 2) в издании Дворцовых разрядов стоит дата царского решения «1700 году, мая въ 4 день», а в корниловском издании указа – «1700 году, мая в 24 день». Учитывая, что содержание публикаций разное, легко объяснить и разную датировку опубликованных документов.

Далее проведем лексико-семантический анализ слов и оборотов с учетом их значения и эмоционально-экспрессивной окраски.

Первый и четвертый примеры «бесчестных» оборотов рассмотрим вместе, объединяющий их элемент – слово *лаять*: 1) *Вольно тебе лаять* (Указ); 4) *Не Воротынской де ты – лаеишь* (ДР); в другой редакции указа: *Не Воротынской де ты – пехаеишь* (Указ). Слово *лаяти* среди прочих имеет значение «ругать, бранить, поносить» с дополнительным оттенком «бесчестить»⁷ (СлРЯ XI–XVII: вып. 8, 181). Иллюстрации в словаре XVIII века содержат обороты *лаяти срамными словами*, *лаяти бесстыдно*⁸ (СлXVIII: вып. 11, 56), которые усиливают грубый, уничижительный характер обращений. Слово *пе(и)хати* обозначало, как и в нынешнем просторечии, физическое действие «грубо толкать». Негативная оценка характеризует действия обидчика, но не входит в состав обращения к лицу. Полный смысл фраза приобретает, если учесть фамильное имя *Воротынский*. Знатнейший род князей Воротынских вел историю от Рюрика. Самый знаменитый из них, Михаил Иванович Воротынский, был выдающимся полководцем XVI века. В XVII веке были известны трое Воротынских: боярин и воевода Иван Михайлович, стольник и воевода Алексей Иванович, ближний боярин и воевода Иван Алексеевич, двоюродный брат царя Алексея Михайловича. На Иване Алексеевиче, не имевшем потомства, и угас род Воротынских. Воротынские имели заслуги перед государством и русским народом⁹. В остроумной фразе «*Ты не Воротынский, а лаеишь/пехаеишь*» как раз и подчеркиваются заслуги Воротынских. Знаменателен и факт упоминания имени Воротынского во фразеологии: фраземы живут долго, а персоналии и события, в них упоминаемые, попадают в национальную мифологию. Упоминание персоны в мифе – это народное признание, оно дороже государственной награды. Ср.: нечто подобное зафиксировано и в крылатом латинском выражении: *Что позволено Юпитеру, то не позволено быку*. Таким образом, анализируемый оборот, будучи негативно оценочным, имеет не оскорбительный, а скорее иронический, шутливый оттенок.

2) *Называл щенком турецким* (Указ) – *Называл шпынком турецким* (ДР). Из-за многовековых конфликтов с Турцией отношение ко всему турецкому в России было резко негативным. Употребление определения *турецкий* при какой-либо номинации есть покушение на честь собеседника, которое усиливается за счет семантики определяемого существительного: *щенок* по отношению к человеку – просторечное, бранное слово со значением «молокосос, мальчишка»; *шпынь*, *шпынек* значит «насмешник, шут»¹⁰ (САР:

VI, 916). Таким образом, в выражении не только подчеркивается зависимость от турецкого влияния, но и за счет эмоционально-оценочных обращений *щенок*, *шпынек* усиливается оскорбительный смысл.

3) *Ис-под печки де тебя вытащили* (Указ) – *ис-под бочки тебя тащили* (ДР).

Подпещь, *подпечек* «пространство под русской печью» (СлРЯ XI–XVII: вып. 16, 35; САР: т. 3, 209), где хранились дрова, тряпки, веник, иногда спала кошка, зимой держали кур и т. п.¹¹ (СРНГ: вып. 28, 135–136). Морально и социально опустившийся человек мог тоже оказаться в подпечке. Фразеологизм «*ис-под печки тебя вытащили*», безусловно, имеет целью подчеркнуть низкое социальное достоинство человека. По звучанию и значению близко и выражение «*ис-под бочки тебя тащили*», но в этом случае имеется в виду винная или пивная бочка и ее сожитель – спившийся человек. В принципе могли существовать оба фразеологических оборота. Более реален оборот «*из-под печки тащили*» – так оценивали человека опустившегося, ненормального, неуравновешенного.

5) *Ре(о)бенок* – имеется в виду тот, кто поступает по-детски, наивно, без раздумья. *Ребенок* близко по смыслу слову *щенок* в переносном значении, но менее обидно.

6) *Сынчишко боярский* (ДР) – *щенчишко боярский* (Указ). Обращает на себя внимание фонетическая близость и уменьшительно-пренебрежительная оценка у слов *сынчишко* – *щенчишко*. Термин *сын* (*сынчишко*) *боярский*, мн. ч. *дети* (*детишки*) *боярские* в значении «сословие служилых землевладельцев, получавших поместья при условии исполнения военной и административной службы» к началу XVIII века превращается в историзм¹² (СлXVIII: вып. 1, 258–259).

Вежливое уменьшительное *сынчишко боярский* было этикетной нормой самоуничижения, употребляемой в челобитных: *бьет челомъ холлоп твой ялченин сынъчишко боярской Якушко Левонтеевъ сынъ*. В качестве именованного лица *сынчишко боярский* становится оборотом обидным, подчеркивающим низкий социальный статус. Однако предельная форма уничижения, когда слово *сынчишко* стоит в форме среднего рода: *сынчишко мое*, *солдатское сынчишко*, зафиксированное в словаре (СлРЯ XI–XVII: вып. 16), не могла быть реализована в данном случае, поскольку выражение *сын* (*сынчишко*, *сынчишко*) *боярский* выполняло функцию термина, было связанным словосочетанием. Слово *сынъ* и его уменьшительные формы здесь стояли всегда в форме мужского рода.

30 декабря 1701 года издается царское распоряжение «О писании людям всякаго звания полных имен своих с прозваниями во всяких бумагах частных и в судебных места подаваемых», в котором предписывается «*полуименами никому не писаться*».

Щенчишко боярский – сравнение человека со щенком, выраженное уменьшительно-уничижительным словом, подчеркивает униженный, подчиненный, малозначимый статус человека, это уже прямое оскорбление.

7) Под пунктом 7 приводится ряд вариантов обозначения обезьянки – экзотического животного: *снартышка (мартышка?)*, *мартынышек* (Указ) / *мартынушек, мартышек* (ДР). Название маленькой обезьянки с длинным хвостом могло употребляться не только в нейтральном контексте, но также шутливо или как бранное слово по отношению к человеку, см. примеры: *По собрании всех сил крикнул на нее: тебя, проклятая мартышка, куда чорт от меня несет? Жену люблю; привык было к дочери, которая была сущая мартышка* (СлXVIII: вып. 12, 112; САР: IV, 43). Применительно к взрослому человеку, тем более к мужчине, это слово в уменьшительно-уничижительном варианте *мартынышек, мартынушек, мартышек* воспринималось как грубая насмешка.

8) *Черти тебе сказывают*. Этим оборотом утверждалось, что недобрые поступки, совершаемые кем-либо, – это волеизъявление нечистой силы, овладевшей сознанием человека. Черт – демон, дьявол, бес, злой дух (САР: IV, 717). Человек, находящийся под воздействием чертей, – недобрый, не внушающий доверия, который советуется с нечистой силой, знает с нечистой силой, с чертом водится.

9) *Трус* – слово дано вне контекста. «Словарь русского языка XI–XVII веков» зафиксировал это слово как новообразование в значении «непостоянный человек». Вероятно, у слова сразу развивается и другое, более оскорбительное значение: «трусливый человек». Слово *трусость* в значении «трусость, страх» впервые зафиксировано в письме Петра князю Ф. Ю. Ромодановскому в 1698 году: «Откуда на вас такой страх бабей! Некали ничего делать с такою трусостью!»¹³ (Письма: 252). *Трусливый* и *трусить* упоминаются в словаре Вейсмана, а слово *трус* в современном значении представлено в Российском Целлариусе¹⁴.

10) *Отец твой лапотник*. Ср.: *лапотъ* «плетеная, обычно из лыка, обувь»; *лапотник* «человек, носящий лапти, крестьянин, простолюдин». Лапти – знак нищеты, невежества и отсталости,

символ бедности. А беден тот, кто плохо трудится, бесхозяйственный. Семантика выражения «*Отец твой лапотник*» связана с такой моральной ценностью древнего русича, как труд. Принадлежность к роду лапотников (отец – лапотник) – позорный знак на всю жизнь.

11) Просторечное, пренебрежительное «*Отец твой лаптем щи хлебал*» рано получает значение «жить в нищете, прозябать в невежестве, в отсталости и косности. Два разных фразеологических оборота (*Отец твой лапотник*; *Отец твой лаптем щи хлебал*) имеют семантическую связь, где особо значимо слово *лапотъ*, имеющее смы «бедность, безделье». Ныне упоминание отца в этой формуле практически потеряло смысл. Раньше попираение чести родителей считалось особенно сильным оскорблением. В Московской Руси понятия *семья, родня, родители* были чрезвычайно значимы. Принадлежность к определенному роду – это знак на всю жизнь. Почему *хлебал лаптем*? Потому что у такого никчемного человека в хозяйстве не было даже простой деревянной ложки, которую обычно умел делать любой мужчина.

12) *Сулиль сыромятную кожу и яловичные сапоги* (Указ). Разгадка смысла и коннотации этого выражения – в определениях. *Сыромятная кожа* – выделанная для сгона шерсти без дубу, в извести, в овсяном квасу; очистка сопровождалась сильным мятьем, ломкой и тягой на конном воротае, при этом кожа смазывалась ворванью и березовым дегтем. Из сыромяти делали конскую упряжь, ремни¹⁵ (Даль: 4, 376). Такая грубо выделанная кожа – знак невысокого материального достатка. Яловые сапоги – из яловой кожи, снятой с крупного рогатого скота: молодых или недорослых телят, взрослых коров и быков. Такая кожа шла на рабочую обувь (Даль: 4, 677). *Сулить сыромятину и яловые сапоги* – значит обещать суровую трудную жизнь, разорение; сыромятина к тому же – знак наказания ремнем, кнутом.

13) *Называл подговорщиком* (Указ) – *подговаривал* (ДР). *Подговаривати* – склонять, подстрекать к какому-либо дурному поступку (СлРЯ XI–XVII: вып. 15, 245].

14) *Злодей* – «тот, кто совершает злодеяние, способен на незаконное действие; преступник» (СОРЯ: вып. 8, 75).

15) *Называл подскобою*. Предлагаем два варианта комментария: а) *подскоба*, жен. р. – от глагола *скорбеть* «быть больным, немощным, болезненным»; б) *быть под скорбою* «находиться в болезненном состоянии, выглядеть больным, слабосильным». Физическое здоровье тогда

ценилось больше, чем сейчас. Пожелание *быть подскорбою* могло означать недоброе напутствие, скорую болезнь.

16) *Поди толко въ допросъ, а что соберешь (что напои?) и то очисти*. В данном случае описана ситуация высказанной и реализованной угрозы, где описывается действие поэтапное: 1) что соберешь обвинений (что напои?); 2) *Поди толко въ допросъ, а что соберешь, и то очисти* «освобожусь от обвинений, оправдаюсь при допросе».

Следующие три выражения имеют довольно близкий смысл.

17) *Вчерась было меня на площади удавилъ* – «о человеке, который способен на нападение, на физическое насилие».

18) *Разоренье де мне от тебя*. Адресат высказывания – агрессивный человек, способный довести до разорения.

19) *Мучиль де ты меня*. Здесь адресат характеризуется как насильник, подвергающий кого-либо насилию и мукам.

20) *Приехал де ты на чужую землю грабителем* (ДР) – *преезжаешь ты на чужую землю насильно*. Адресат характеризуется как грабитель и насильник. *Грабитель* – «тот, кто занимается грабежом»; *грабить* – «нападая, отнимать чужое имущество, силой похищать что-л.; обирать кого-л.» (СлXVIII: вып. 5, 206).

«Бесчестные слова» не составляли отдельной обязательной разновидности речевого этикета, они выполняли функцию обращения заведомо негативного характера. По структуре «бесчестные слова» могли состоять из одного слова: *злодей, мартышко, грабитель, трус, подскорба*. Оскорбление могло быть выражено простым предложением: *Приезжаешь ты на чужую землю насильно, грабителемъ; Не Воротынской де ты: лаешь (-пехаешь)*. Один вариант оформлен сложным предложением: *Поди толко в допросъ, а что соберешь, и то очисти*.

Теперь рассмотрим заключительную часть документа, содержащую реакцию царя не столько на негативный смысл «бесчестных» слов, сколько на существовавшую практику выносить на уровень царя и боярского совета мелкие ссоры царских приближенных.

«И того ж 1700 году, мая в 24 день, Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всея великия и малыя и белыя России самодержец, сей выписки слушав, указал, и бояре приговорили: челобитчикам всяких чинов людям, которые бить челом ему, великому государю, на ответчиков в разных бесчестиях своих, что называли их истцов они, ответчики, на словах, против всех вышеписанных статей в тех их бесчестиях отказать, и, взяв у них сказки за руками с подкреплением, и доправить на них, с тех исцов великаго государя, по-

илинныя деньги вдвое за то, что они, истцы, били челом на них, ответчиков, приличая те слова к бесчестию приметками своими, и чтоб в таких словах оным, подобным тому, впредь бить челом великому государю им, челобитчикам, было неповадно» (Указ).

Получается, что царь отказал в удовлетворении челобития по поводу словесного бесчестия. Означает ли это, что проблема гармоничного и доброжелательного устного общения не волновала царя? Что понималось в то время под оскорблением? Какое речевое «бесчестие» воздействовало негативно на самолюбие чело- века той эпохи?

Специальные пособия по речевому этикету появились несколько позже: «Приклады, како пишутся комплименты разные» (1708 год), «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (1717 год) и др.

В 1715 году Петр утверждает «Воинский Артикул», содержащий статьи о преступлениях воинских, уголовных и административных¹⁶. Была здесь и статья о бранных словах:

«Ежели кто другого, не одумавшись: с сердца или опаматываясь, бранными словами выбранит, оный перед судом у обиженного христианское прощение имеет и просит о прощении. И ежели гороздо жестоко бранил, то сверх того наказанием денежным и сносным заключением наказан будет... Ежели оный, который имеет просить о прощении, в том упрямитца, можно одного через потребные способы к тому принудить» (ВА: 354).

Еще более строгой была статья 151, касающаяся оскорбления чести офицера:

«Ежели офицер о другом чести касающияся или поносныя слова будет говорить, дабы тем его честное имя обругать и уничтожить, оный имеет пред обиженным и пред судом обличать свои слова и сказать, что он солгал, и сверх того посажен быть на полгода в заключение» (ВА: 354–355).

Вежливость в официальной устной речи – это норма, на которой настаивал Петр. Вспомним, что, подражая иностранцам, впервые в России специальную форму вежливости – местоимение *Вы* (2 л. мн. ч.) стал применять Петр I начиная с 1696 года. Правда, он мог в одном и том же письме обращаться к адресату двояко: на *ты* и на *Вы*, см. письмо С. Л. Владиславичу-Рагузинскому от 2 ноября 1708 года:

«...желаем, дабы **вы** с кем добрым надежным куриером послали к нему вексель на то число червонных. Чтوب емутвой корреспондент там те червонные отдал. А **ты** у нас прими оные на Москве» (Письма: 270).

Специальная вежливая форма *Вы* как норма впервые зафиксирована А. Барсовым в его «Обстоятельной российской грамматике» (1783–1788).

Благодаря «Словарю Академии Российской» к концу XVIII века понятие «оскорбление» было закреплено и разъяснено более подробно. См. корневое гнездо в этом словаре: *Оскорбляю*. Причиняю прискорбие, печаль, огорчение; досаждаю, раздражаю, обижаю. *Оскорбляюсь*. Раздражаюсь, трогаюсь, чувствую досаду, опечаливаюсь. *Оскорбление*. Раздражение, причинение досады, прискорбия. *Оскорбитель*, *Оскорбительный*. Причиняющий оскорбление. *Оскорбительно*. Досадно, обидно, огорчительно. Здесь же приводятся и словосочетания: *оскорбить словами*, *оскорбительные слова*. (САР: V, 489–490).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распоряжение Петра I о «бесчестных словах», относящееся к 1700 году, демонстрирует

его внимание к различным ситуациям устного и письменного общения, является попыткой влияния на речевой этикет в соответствии с требованиями времени, отражает стремление приблизить коммуникативный ритуал реформируемой России к европейской речевой практике. Сам факт появления на этот счет официального документа показателен, поскольку это одна из первых сознательных реакций власти на специфику речевого общения, что является свидетельством начала национального этапа в формировании общегосударственных норм русского литературного языка. Подчеркнем, что основой формирующегося нового литературного языка не только в устном общении, но и в письменности была народная разговорная речь [2], [4: 35–41], [7: 63].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Напомню характерное рассуждение на этот счет М. П. Погодина: «Мы просыпаемся. Какой нынче день? 1 января 1841 года. – Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова. Петр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться – наше платье сшито по фасону, данному Петром Первым, мундир по его форме... Попадает на глаза книга – Петр Великий ввел в употребление этот шрифт, и сам вырезал буквы. Вы начнете читать ее – и этот язык при Петре Первом сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный. Приносят газеты – Петр Великий их начал... После обеда вы едете в гости – это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам – допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого... Вы получите – по табели о рангах Великого. Чин доставляет мне дворянство – так учредил Петр Великий. Мне надо подать жалобу – Петр Великий определил ей форму. Примут ее – пред зеркалом Петра Великого. Разсудят – по Генеральному Регламенту. Что теперь ни думается нами, ни говорится, ни делается. Все, труднее или легче, далее или ближе, повторяю, может быть доведено до Петра Великого. У него ключ или замок» (Погодин М. П. Историко-критические отрывки. Кн. 1. М., 1846. С. 341–343).
- ² В последние годы некоторые научно-популярные издания (журналы и газеты) печатали текст указа о «бесчестных словах» в качестве эпатажного материала, предполагая его искусственный характер и сомневаясь в его статусе как государственного документа.
- ³ Дворцовые записки // Российский магазин. Ч. 2–3. СПб., 1792–1793. С. 291–335.
- ⁴ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной его императорского величества канцелярии. Том четвертый (с 1676 по 1701 г). СПб., 1855. 779 с. (Запись «бесчестных слов» размещена в столбиках 1132–1133; далее в тексте под сокращением ДР.IV. СПб., 1871. С. 683–684; далее в тексте: Указ).
- ⁵ Корнилов Иван Петрович (1811–1901) служил по ведомству Министерства просвещения, был собирателем древнерусских и славянских рукописей. К десятилетию его кончины коллеги издали сборник статей «Памяти И. П. Корнилова». СПб., 1911. 47 с.
- ⁶ Что касается владельца бумаг («желтухинские бумаги»), то, возможно, имеется в виду Желтухин Алексей Дмитриевич (1820–1865) – писатель, издатель «Журнала землевладельцев». Его биография приведена в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона, повторена в Википедии.
- ⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М.: Наука, 1975– (издание продолжается); далее в тексте: СЛРЯ XI–XVII.
- ⁸ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1–. СПб.: Наука, 2004– (издание продолжается); далее в тексте: СОРЯ.
- ⁹ О роде Воротынских см.: Воротынские [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yandex.ru/search/?text=воротынские%20князя&lr=21&clid=95824> (дата обращения 31.09.2019).
- ¹⁰ Словарь Академии Российской. Ч. 1–4. М., 1794–1798; далее в тексте: САР.
- ¹¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л.: Наука, 1965– (издание продолжается); далее в тексте: СРНГ.
- ¹² Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–. Л.: Наука, 1984– (издание продолжается).
- ¹³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 1178 с.; далее в тексте: Письма.
- ¹⁴ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1994. С. 267.
- ¹⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1978–1980; далее в тексте: Даль.

- ¹⁶ Военный Артикул 1715 года // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 4. М.: Юридическая литература, 1986. С. 327–365; далее в тексте: ВА.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Европеизация общественно-бытовой, обиходной (письменной и разговорной) речи высших слоев общества // Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высш. шк., 1982. С. 64–68.
2. Волков С. С. Лексика русских челобитных. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л.: ЛГУ, 1974. 164 с.
3. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
4. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М.: Наука, 1981. 374 с.
5. Камчатнов А. М. Литературный язык Петровской эпохи // История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М.: Академия, 2008. С. 261–296.
6. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1980. 205 с.
7. Судаков Г. В. Русское слово в динамическом и функциональном аспектах. Вологда: Вологодский гос. ун-т, 2020. 167 с.

Поступила в редакцию 28.03.2020

Guriy V. Sudakov, Doctor of Philology, Vologda State University
(Vologda, Russian Federation)
gvs035@rambler.ru

THE BEGINNING OF PETER THE GREAT'S LANGUAGE REFORM

The reform of the Russian way of life in the Petrine era also affected the rules of verbal communication. Peter's language reform began with his instructions regarding verbal abuse. The analyzed source which contains a list of the most common negative assessment lexemes is interesting precisely because of Peter's attention to various aspects of oral and written communication in Russia of that time, and his attempts to improve speech etiquette in accordance with the challenges of the time and bring it closer to the European communication practice. The relevance of the study is determined by the need to more fully take into account the whole range of activities aimed at the formation of a single norm of the national Russian literary language. The novelty of the study is the attraction of a new source that is directly related to the speaking practice of the era and demonstrates the attention of the government to oral etiquette, the norms of which did not meet the demands of the time. Words and phraseological units with negative meanings are semantically connected with the culture of the era, their interpretation is based on linguistic and cultural commentary. "Dishonorable words" did not constitute a separate obligatory variety of speech etiquette, although they could fulfill the function of a deliberately negative appeal. By structure, "dishonorable words" could consist of one element, less often – of a simple sentence, with one option framed by a complex sentence. The analyzed texts fit into a number of documents and guidelines designed to influence the formation of a new culture of oral and written communication. Production of an official document on this score is one of the first conscious reactions of the authorities to the specifics of verbal communication, which is one of the signs of the beginning of a new, national stage in the formation of national norms of the Russian literary language.

Keywords: speech etiquette, verbal abuse, differentiation of linguistic means, social status, Petrine era

Cite this article as: Sudakov G. V. The beginning of Peter the Great's language reform. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 5. P. 38–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.497

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. Europeanization of public and everyday language (written and spoken) of the upper classes. *Essays on the history of the Russian literary language of the XVII–XIX centuries*. Moscow, 1982. P. 64–68. (In Russ.)
2. Volkov S. S. Vocabulary of Russian petitions. Forms and traditional etiquette and stylistic tools. Leningrad, 1974. 164 p. (In Russ.)
3. Zhivov V. M. Language and culture in Russia of the XVIII century. Moscow, 1996. 591 p. (In Russ.)
4. History of the vocabulary of the Russian literary language between the late XVII and the early XIX centuries. Moscow, 1981. 374 p. (In Russ.)
5. Kamchatnov A. M. Literary language of the Petrine era. *History of the Russian literary language: from the XI to the first half of the XIX centuries*. Moscow, 2008. P. 261–296. (In Russ.)
6. Panchenko A. M. Russian culture on the eve of Peter the Great's reforms. Leningrad, 1980. 205 p. (In Russ.)
7. Sudakov G. V. Russian word in dynamic and functional aspects. Vologda, 2020. 167 p. (In Russ.)

Received: 28 March, 2020